

HO

На правах рукописи

Вадеев Александр Геннадьевич

ФЕНОМЕН СТРАДАНИЯ В КУЛЬТУРЕ СОВРЕМЕННОСТИ

24.00.01 - теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Нижний Новгород - 2005

Научный руководитель

доктор филологических наук, профессор **Фортулатова Вера Алексеевна**

Официальные оппоненты:

доктор философских наук, профессор **Владимиров Александр Анатольевич**

кандидат культурологических наук, доцент **Агеева Елена Юрьевна**

Ведущая организация:

Нижегородский государственный лингвистический университет

Защита состоится 26 января 2005 года в 14 часов на заседании диссертационного совета Д 212.162.01 при Нижегородском государственном архитектурно-строительном университете по адресу: 603950, Нижний Новгород, ул. Ильинская, 65, корпус 5, аудитория 202.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета.

Автореферат разослан «23» декабря 2004 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

кандидат философских наук, профессор

Е.В. Федотов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

В современных условиях проблема человеческого страдания пользуется повышенным вниманием представителей самых различных научных дисциплин.¹ Настала пора выйти на осмысление некоторых общих закономерностей возникновения, проявления и эволюции страдания как социокультурного феномена.

Страдание является таким культурологическим «фильтром»², переход сквозь который переводит личностный опыт индивида на язык религии, философии, этики, морали. Вместе с тем, полиморфизм страдания не позволяет свести его трактовку к каким-либо означаемым характеристикам. Это явление может приобретать различное значение в зависимости от типа общества или социальной среды, но также от отдельного индивида.

Страдание как сфера культурной регуляции нуждается в научно-теоретическом изучении особенно в наши дни, в условиях резких сдвигов, быстрых и радикальных изменений жизненных ситуаций, смены ценностных мотиваций, смыслов и возможностей.

В XX и в начале XXI в.в. мы наблюдаем разрыв между человеком и человечеством: биологическое ограничение возможностей индивида и огромный потенциал социально-технологического развития общества, не ограниченного временными рамками. Это в свою очередь вызывает целый комплекс проблем: отчуждение, абсурдность существования, распространение симулякров, что порождает одиночество человека, невозможность общения, кризис развития личности. Проблема страдания обусловлена современной культурной ситуацией, когда сталкиваются разнонаправленные ценностные

¹ Сюю Р.Дж.Х. Панэтика: Исследование причинения страдания // Человек: образ и сущность. Природа насилия. - М.: ИНИОН, РАН, 1995; Ярская-Смирнова Е. Мужество инвалидности // О муже(Н)ственности. Сб. статей. - М.: Новое литературное обозрение, 2002; Карпицкий Н. Феноменология страдания. - Томск: Сириус, 1995; Биллингтон Джеймс Х. Лики России. Страдание, надежда и созерцание в русской культуре. Пер. с англ. - М: Логос, 2001 и др.

² Лотман Ю.М. Избранные статьи в 3-х т. - Таллин: «Александра», 1992. - Т. 1. - С. 13.

традиции. Утраченный опыт гармонизации приводит к возникновению проблем, имеющих мировоззренческий, социальный и психологический характер. Страдание является следствием неудачного решения индивидом указанных задач и в этом случае становится своеобразным диагнозом личности в дегуманизированном и дегармонизированном мире. С другой стороны, страдание как одно из условий индивидуальной рефлексии может послужить основой для нахождения личностью выхода из тупика, связанного с механистическим навязыванием извне чуждых ей ценностей.

Страдание переносится людьми внутри определённого контекста. Наиболее интересным и важным, на наш взгляд, представляется интерпретация страдания как формы дискурса. Именно эта дискурсивная практика страдания позволяет рассмотреть и глубже понять многие тенденции современной культуры.

Степень научной разработанности проблемы детерминирована комплексным подходом к её исследованию, включающим несколько сфер изучения.

Поле культурологических изысканий констатируется как принципиально мультидисциплинарное, объединяющее историю, антропологию, психологию, искусствознание и другие научные сферы, поэтому диапазон научных исследований, к которым мы обращались, достаточно широк и разнообразен.

В работе достигается концептуальный синтез идей И.А. Ильина, Л.П. Карсавина, Н.О. Лосского, Вл. Соловьёва, Г.Л. Федотова об основах христианской культуры, вопросов человеческого бытия в трудах Аристотеля, И. Канта, Г. Гегеля, С. Кьеркегора, З. Фрейда, А. Шопенгауэра, Д. Юма, концепций человеческой экзистенции М. Хайдеггера, Ж. - П. Сартра, А. Камю. Особое значение для диссертации имели труды по психоаналитической культурологии - Л.С. Выготского, К.Г. Юнга, Е.М. Мелетинского, Д. Мацумото.

Работа находится в русле философско-антропологического направления, представленного работами С.С. Аверинцева, А.С. Ахиезера, Л.М. Баткина, Н.А. Бердяева, И.М. Быховской, П.С. Гуревича, А.В. Дахина, Л.А. Зеленова, Н. Карпицкого, О.Л. Краевой, В.А. Кутырева, Г.Л. Тульчинского, Л.Е. Шапошникова и других авторов.

Предмет исследования - опыт страдания как одна из характеристик культуры второй половины XX - начала XXI века.

Объект исследования - социально-культурная жизнь России и Европы второй половины XX - начала XXI в.в.

Цель определена объектом и предметом диссертационного исследования и заключается в том, чтобы дать культурно-философский анализ феномену страдания и раскрыть его социально-антропологическое содержание. Способами её достижения выступают конкретные **задачи**:

- дать определение страдания как культурно-нравственного понятия;
- выявить онтологические основания страдания как способа обретения культурно-духовного опыта;
- раскрыть место и роль страдания в культурных парадигмах классической, неклассической и современных эпох;
- выделить и проанализировать подходы к проблеме страдания в культуре постмодернизма;
- определить специфику знаково-символьного воплощения страдания;
- показать сущность и методологическое значение сравнительного анализа западного и русского типа философствования применительно к страданию.

Методологическая база и теоретические основы исследования

Методология исследования опирается на взаимодополнительность и сопоставление различных культурных факторов и целостных культур. Диалектичность и системность, характеризующие аксиоматику страдания,

позволяют выделить в нём определённые функциональные отношения, характеризующие культуру, современную культуру, в частности.

Рассмотрение периода последней трети XX и начала XXI века с точки зрения поставленной проблемы приводит к выводам об актуальной динамике страдания, проявляющейся в современной культурной практике. Социально-философский, исторический и интеграционный методы исследования дополняются эмпирическим подходом к анализу произведений медийной и художественной сферы.

Научная новизна работы и полученных результатов заключается в выборе подходов к исследованию и обоснованию ряда теоретических положений, а именно:

- проанализировано место человеческого страдания в ценностной системе культуры;
- выявлены слагаемые опыта страдания человека;
- проведён философский анализ понятия страдания как интегративного индикатора, характеризующего диалектичность и многомерность человеческого бытия;
- исследована типология социокультурных факторов, определяющих формы и доминанты индивидуального и общественного страдания;
- намечены нравственно-педагогические стратегии формирования сострадательности на разных стадиях социализации личности, её включения в социокультурную среду;
- раскрыта специфика развития современной культуры, игнорирующей духовный опыт страдания в качестве регулятора движения человечества к гуманным целям.

Положения, выносимые на защиту:

1. Опыт страдания, преобразованный человеком в разумное и духовное целое, воспринимается как культурологический текст в виде знаков и

символов, что отражает межсубъектную соотнесённость одних людей с другими, одного человека - со многими.

2. Счастье и страдание воспринимаются в своей диалектической совокупности и вместе с тем как уникальные явления, как культурные феномены.
3. Страдание представляет собой философское понятие, обозначающее имманентное человеку состояние сознания, а также акт и продукт самопознания.
4. В этическом аспекте страдание определяется как амбивалентный феномен, с одной стороны проявляющийся как продукт отчуждения, утраты целостности, создающий условия для актуализации морального зла, с другой стороны - как необходимый момент индивидуализации, позволяющий сформироваться личной моральной рефлексии.
5. Конструктивность и деструктивность состояния страдания определяется способом его сублимации: культурно-ориентированная, гармонизирующая сублимация, предстающая в ряде позитивных проявлений (творчество, труд, со-страдание, любовь-агапэ, духовность, дружба и т.д.) выявляет конструктивно-формирующий характер переживания страдания; противоположный по результату процесс негативного страдания (насилие, терроризм, голод, войны, катастрофы, болезни и др.), демонстрирующий его разрушительный потенциал.
6. Страдание и порождаемое им сострадание являются такими мощными духовными потенциями сознания, что от них зависит не только социокультурная эволюция, но и собственно природно-антропологическое состояние человека и, в частности, его культурная идентификация.

7. Процессы амнезии и анестезии в общественном и индивидуальном сознании не способствуют активизации внимания к страданию как школе нравственного и общественного развития, что в свою очередь, может порождать «этические сумерки», нравственную неопределённость, которую сегодня можно часто наблюдать и в повседневном опыте.

Теоретическая и практическая значимость диссертации заключается в том, что страдание, которым переполнен современный мир, рассматривается не как фактор разрушения культуры, а как опыт духовности. Это позволяет говорить о нравственных уроках, педагогике страдания, формирует предпосылки для постижения законов бытия и взаимоотношений индивида с Другим.

Столкновение разных взглядов на страдание как зло, которое надо не замечать, игнорировать и забывать, и как источник энергии сочувствия, борьбы, содействия и участия, означает пассивный и деятельный подходы к страданию и отражает проблемы культурной аксиологии и формирования личности. Эти и подобные выводы диссертации представляют возможность для определения нравственных идеалов с позиций гуманизма, для разработки педагогических и воспитательных концепций, углубляет методику культурологического анализа, приглашая к соразмышлению представителей разных гуманитарных сфер.

Материалы диссертации могут быть использованы при чтении учебных курсов по теории и истории культуры, культурологии, этике, культурной антропологии, при чтении элективных курсов.

В работе поставлены проблемы, с которыми сталкиваются на практике педагоги, психологи, социологи, антропологи и другие представители наук о Человеке.

Выводы диссертации адресованы в пространство современных культурных практик, определяющих формирование мышления как вида креативной деятельности.

Апробация и внедрение результатов исследования осуществлялась автором на лекционных и практических занятиях по курсам «Теория культуры», «Мировая художественная культура» в Арзамасском государственном педагогическом институте им. А.П. Гайдара, на кафедре культурологии Нижегородского государственного педагогического университета.

Различные аспекты проблематики диссертации были изложены в докладах на научно-практических конференциях:

- Всероссийская ежегодная конференция-семинар молодых учёных «Науки о культуре - шаг в XXI век», г. Москва, декабрь 2002г.
- Всероссийская научно-практическая конференция «XI Рождественские православно-философские чтения», г. Н.Новгород, январь 2002г.
- Девятая межвузовская конференция по культурологии «Культура и антикультура», г. Н.Новгород, ноябрь 2002г.
- Всероссийская научно-практическая конференция «XII Рождественские православно-философские чтения, посвященные 100-летию канонизации преподобного Серафима Саровского», г. Н.Новгород, январь 2003г.
- Региональная межвузовская научно-практическая конференция «Духовный мир молодого человека и будущее России», г. Арзамас, май 2003г.
- Всероссийская научно-практическая конференция «Дети. Молодёжь. Театр. Образование», г. Н. Новгород, май 2003 г.
- Десятая межвузовская конференция по культурологии «Этнические культуры в условиях глобализации», г. Н.Новгород, октябрь 2003г.
- Добролюбовская научно-практическая конференция «Профетическая сущность искусства и культуры. Пророчества, прогнозы, догадки,

озарения, теории, факты, интерпретации и размышления», г. Н.Новгород, октябрь 2003 г.

- Всероссийская научно-практическая конференция «XIII Рождественские православно-философские чтения» «Проблемы взаимодействия духовного и светского образования. История и современность» г. Н.Новгород, январь 2004г.
- V Международная научно-методическая конференция преподавателей вузов, учёных и специалистов «Высокие технологии в педагогическом процессе», г. Н. Новгород, март 2004 г.
- II Международная научная конференция «Жизнь провинции как феномен духовности», г. Н. Новгород, апрель 2004 г.

Различные аспекты проблематики диссертации отражены в четырнадцати публикациях.

По теме диссертационного исследования были прочитаны лекции и сделаны доклады в Арзамасском государственном педагогическом институте им. А.П. Гайдара, в Нижегородском государственном педагогическом университете.

Диссертация обсуждалась на кафедре культурологии НГПУ и рекомендована к защите по специальности 24.00.01 - теория и история культуры.

Структура и содержание работы

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка, включающего 326 наименований на русском и иностранных языках. Объём диссертации составляет 171 страница компьютерного текста.

Во введении диссертации обосновывается выбор темы, ее актуальность, характеризуется степень разработанности в научной литературе, определяются цели и задачи диссертационного исследования, раскрываются его научная

новизна, теоретическая и практическая значимость выносимых на защиту положений, характеризуются методологические основания, теоретические источники, круг проблем и характер использованных материалов.

В первой главе «Страдание как составной элемент человеческого существования» рассматривается дуалистическая природа человеческого страдания, которое объединяет в себе физическое и духовное негативное состояние человека, ведёт, с одной стороны, к уничтожению личности, а с другой - к её возрождению, переформированию личностных свойств. Здесь предлагаются различные основания для типологизации оценок страдания.

Как отдельная категория выделяется память о страдании, составляющая содержание человеческого опыта, оказывающего культурформирующее воздействие на индивидов. Страдание не принадлежит только какому-либо синхронному срезу культуры - оно всегда пронизывает этот срез по вертикали, приходя из прошлого и уходя в будущее. Страдание феноменально и сущностно, событийно и длительно по своему значению, поэтому его изучение требует современных проблемно-исторических подходов и, в частности, синхронно-диахронного исследования. «Историк стремится к тому (...), чтобы определять и интерпретировать свой предмет внутри временных отношений, в поле, где пересекаются две линии. Одна линия - вертикальная, или диахроническая, посредством которой он устанавливает отношение текста или системы мышления к предшествующим формам выражения в той же самой области культурной деятельности (живопись, политика и т.д.). Другая линия - горизонтальная, или синхроническая; за счёт неё он определяет отношение содержания интеллектуального объекта к тому, что появляется в то же самое время в других областях или аспектах культуры».¹

Каждый временной пласт может коррелироваться с новым и вечным значением страдания, что и составляет культурно-смысловой резерв данной

¹ Шорске Карл Эмиль. Вена на рубеже веков. Политика и культура. - СПб.: Изд -во имени Н.И. Новикова, 2001. - С. 21-22.

категории. Л. Февр понимал интеллектуальную историю прежде всего как отражение истории, написанное в её собственном времени.¹ Идеи, помещённые в свой социально-исторический контекст и рассматриваемые сквозь призму своей эмоциональной погружённости в наши дни, становятся «коллективной силой», составляют душу цивилизации.²

Процесс смысловой индукции страдания разворачивается нелинейно, по многим направлениям сразу, многократно возвращаясь от одного человека к другому, вызывая всё новые и новые переосмысления. Вот почему страдание можно отнести к лейтмотивам человеческого бытия.³

Двойственная природа страдания отражается и в его отношении к человеческой памяти. С одной стороны, людям хочется поскорее забыть о перенесённых испытаниях. В результате процесса вытеснения, который считается одним из видов психологической защиты, воспоминания, переживания, анализы изгоняются в сферу бессознательного и предстают в форме тревоги, страха, фобий и т.д. С другой стороны, оперативная или органическая память о страдании рождает человеческий опыт, оказывающий культурформирующее воздействие на личность. Каждая культурная историческая эпоха показывает умножение такого опыта.

Античная культура путь преодоления страдания видела в установлении гармонии человека с миром, которую каждый философ понимал и определял по-разному. Школа Эпикура советовала находить равновесие души и тела в атараксии. Идеалом стоиков выступала апатия или бесстрашие к горю и радостям. Аристотель лучшим средством от страданий считал чувство меры, которое заключалось в добродетели - срединном пути между излишествами. Катарсис способствовал эмоциональному обновлению. Таким образом, гармония выступала универсальным средством защиты от страданий,

¹ См.: «Анналы» на рубеже веков. Под ред. АЛ. Гуревича. - М.: ИНИОН, 2002.

² Февр Люсьен. Чувствительность и история. Как воссоздать эмоциональную жизнь прошлого // Люсьен Февр. Бой за историю - М.: Наука, 1991. - С. 109-125.

³ См.: Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы. - М.: Новое литературное обозрение, 1996 - 1997.

достижение же её реализовывалось сообразно существовавшим философским взглядам на мир.

В средние века особенно остро осознавалась непреодолимая пропасть между земным и небесным началами. Ощущая свою ничтожность, человек пытался преодолеть эту бездну, поставив между собой и Богом посредника - святого, являвшего собой пример праведной и подвижнической жизни, исполненной страданий, искушений, мук, испытаний. Одновременно появлялись зримые воплощения скорби, утешения, сострадания, сочувствия и любви, то есть религиозно-образные артефакты, возвышающие душу, но имеющие источником феноменальность человеческой боли, мук и страдания. Религия сумела окрасить утешением реальную боль, а само понятие религиозного идеала наделялось мощным катарсическим началом.

В Новое и Новейшее время человек оказался перед необходимостью самопознания и самооценки. Философы этого периода обращаются к страданию прежде всего не как к конкретному явлению, но как к источнику идей, порождаемых страданием. Новое время - это не только историческая эпоха кровавых войн, религиозных конфликтов и костров инквизиции, но и начало мучительных поисков путей согласования логики закона и нравственных идеалов, разумного и прекрасного.

К началу XIX века страдание как бы распадается на несколько стадий своего бытования: на *испытание* страданием, на *мышление* по поводу страдания, на *переживание* состояния страдающего.

Дальнейшее истолкование страдательности в XX веке связано с отказом от идеально-субъективного подхода. Осознание трагического в связи с революционным переделом мира породило новые формы самого дискурса страдания, зафиксированные идеологически, духовно, социально, на уровне индивидуального и общественного сознания.

Страдание во всех своих многообразных проявлениях приобретает разные формы культурного воплощения. Натурализм и реализм, особенно

проявившиеся в связи с событиями первой и второй мировых войн, дополнялись романтической героизацией страдания, воплощённого в подвигах отдельных людей. Одновременно с этим стала заметна тенденция знаково-символического осмысления страдания, то есть перевод его на уровень абстракции, деперсонализации, деконкретизации. Семантическая зона страдания включает в себя разнообразный спектр понятий, относящихся к источникам, субъектам страдания и объектам сострадания, привлекающих внимание философов, психологов, социологов и культурологов.

Вторая глава - «Эмпиризм, семантика и прагматика страдания» - выявляет различные свойства страдания как компонента культуры становящиеся объектом философского толкования в свете повседневности и универсальности, раскрывает диалектическую природу культуры, её внутренние резервы и возможности формирования личности.

Страдание определяет практически весь антропологический потенциал человека: созидание, развитие, креативное начало и др. Страдание сопровождает человеческое существование. В страданиях человек рождается, в страданиях ему приходится умирать. Да и на протяжении всей жизни различные болезни и испытания заставляют его страдать.

Состояние общества определяется не только глубиной страдания, но и степенью сострадательности составляющих его индивидов. При этом личность характеризуется способностью переносить собственные страдания и готовностью оказывать живое участие при столкновении со страданием Другого.

Категория страдания - это двусоставная, дихотомическая категория, содержащая *абсолютное* и *относительное* начала.

Абсолютное страдание (страх, боль, смерть, болезнь, голод, унижение, депрессия, паника и др.) существовало всегда в независимости от временных рамок и человеческой воли. Исторически-относительное страдание (война, репрессии, фашизм, раскулачивание, терроризм и др.) обусловлено

определённым контекстом эпохи, имеет тенденции разнообразия, подвижности, изменчивости, эмерджентности.

История мировой и отечественной культуры страдания представляет обширный материал, характеризующий процесс становления современной личности: маркирует определённый тип человеческого поведения; выделяет основные пространства своего проявления; маркирует границы между различными культурно-историческими сферами; порождает определённые культурные символы.

При анализе страдания в связи с его феноменологической сутью трудно найти такую черту, которая будет положена в определение его сущности. Вместе с тем можно говорить о таких его свойствах, которые, соединяясь в своей непрерывности, приобретают особую выраженность, - интенсивность, длительность, бессмысленность, «несправедливость», т.е. безусловность и др.

С появлением «человека - разумного» возникает новый тип страданий. Страдания разума добавились к страданиям тела и усложнили их. Отчуждение, тревога, беспокойство, унижение, печаль, депрессия, страх, паника и тому подобные явления стали такими же мучительными, как и телесная боль. Большинство людей готовы скорее перенести физическую боль, чем подвергнуться истязанию нравственно. Являясь самыми разумными существами на планете, люди не только чувствительнее остальных живых существ, когда приходится страдать, но и более жестоки в причинении страдания своим близким.

Полисемантический характер страдания объясняется его множественностью. Это не просто индивидуальный или коллективный опыт людей, который транслируется следующим поколениям, но также вид общественного состояния, своеобразие национального характера, тип менталитета. Русская культура за свою многовековую и полифоничную историю выработала универсальные принципы отношения к страданию,

которые вобрали в себя самые общие свойства русской духовности. Одно из них связано с особой сдержанностью, даже целомудрием в выражении русского страдания, которое всегда не напоказ, а внутри себя, чтобы не «заражать» своим чувством горя других.

Вековая народная мудрость страдания воплощена в русской культуре фигурой юродивого, бытие которого размещено одновременно на разных полюсах - внешнего смеха и внутренних слёз, «смеха сквозь слёзы».

Для русского человека проявленное сочувствие, сострадание, участие в беде другого является естественной формой проявления своего отношения к Ближнему. Именно Ближний, а не Другой определяет внутреннюю силу, духовность и жертвенность нашего народа, его терпение и терпимость. Однако страдание, разумеется, не является исключительной прерогативой только одного народа.

Большой опыт осмысления человеческого бытия накоплен западной философией XX века и, в частности, философией экзистенциализма. Согласно её логике экзистенция человека наполнена сосуществованием печалей и радостей, что выступает залогом того, чтобы ему оставаться в движении. Страдание способствует тому, чтобы «уберечь человека от апатии, от духовного окования. Пока мы способны к страданию, мы остаемся живыми духовно. Действительно, мы мужаем и растем в страданиях, они делают нас богаче и сильнее»¹.

Страдание - это форма изменения человеческих возможностей, которая может привести к положительной или отрицательной сублимации. Напротив, по наблюдениям учёных, трагичность неразрывно связана с творчеством, которое само по себе является драматичным, хотя бы потому что оно социально.²

¹ Франкл В. Общий экзистенциальный анализ // В. Франкл. Человек в поисках смысла. - М.: Прогресс. 1990. - С. 245.

² Налимов В.В. Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М.: Прометей, МШИ им. Ленина, 1989. - С. 177.

В последнем разделе второй главы источником страдания личности рассматривается её бытие в социуме. Страдания, обусловленные возрастом, тендерные разновидности страдания, страдания, вызванные неудовлетворением человека социальным статусом и т.д. позволяют утверждать необходимость специальной научной разработки социально-культурологической теории страдания, которая пока ещё не сложилась в системно-обобщённом виде.

Страдание понимается нами не как естественный, буквальный смысл накопленного опыта, а как компонент культурного развития человека. В таком значении страдание предстаёт конструктивным элементом, образуемым социальными, психологическими, природными, бытийственными факторами.

Страдание и вызываемое им сострадание являются такими мощными духовными потенциями сознания, что от них зависит не только социокультурная эволюция, но и собственно природно-антропологическое состояние человека и, в частности, его культурная идентификация. Подобное заключение объясняется, в частности, тем, что страдание не является иллюзорным, умозрительным состоянием, но всегда истинным, драматическим, экстремальным, выявляющим весь физический и духовный потенциал личности.

Страдание, хотя и является частью земной действительности, однако, способно приобретать духовное, возвышенное, облагораживающее содержание, отрываясь тем самым от реального источника. Этим представляется материал для рефлексивной и практической деятельности, которая может служить изменению реальности страдания.

Итогом второй главы является принципиальный для концепции всей диссертации вопрос: можно ли страдание считать существенным фактором развития культуры? Мы должны ответить на него утвердительно, хотя оговориться, что это вовсе не единственная причина её развития, и добавить, что сама культура облегчает перенесение страдания, ведёт к его аннигиляции, видоизменению его форм.

Страдание - это не только негативное состояние индивида, но также *динамический процесс*, пробуждающий энергию сопротивления, сочувствия, соучастия. Страдание, проясняющее и высветляющее сложнейшие, запутанные, затемнённые стороны человеческого бытия, сопровождается напряжённой духовной работой, результаты которой должны быть унаследованы другими. Страдание как «некий энергетический сгусток» играет решающую роль в культуруформирующем процессе личности, хотя при определённых счастливых жизненных обстоятельствах может и не участвовать в нём.

Мы тем самым отвергаем содержательно-созидательную роль негативности в культуруформирующем процессе, но доказываем продуктивность и состоятельность культурологических подходов к этой проблеме, что позволяет выявить рождение жизненных проявлений практического, а не отвлечённо-умозрительного гуманизма.

Третья глава - «Страдание как форма человеческого присутствия в современной культуре» - формулирует парадигму современности как конфликт «культуры памяти» и «культуры забвения». XX век был ознаменован рождением множества культурных и цивилизационных технологий, порой взаимоуничтожающих друг друга. Так были разработаны совершенные источники порождения страдания и столь же эффективные способы его устранения.

Осмысление страдания различными философскими школами свидетельствует о том, что страдание в культуре современности имеет противоположные и противоречивые уровни исследования, обобщения, воплощения.

Наиболее впечатляющим результатом культурно-этической стороны страдания признаётся одиночество страдающего, отделённого, словно пропастью, от окружающего мира и от самого себя, счастливого, нестрадающего. Страдание очень часто связывается с потерей чувственности и радости жизни.

Таким образом, XX век прошёл несколько отличных одна от другой стадий осмысления страдания. С одной стороны, была сделана попытка понять *логику* страдания и *технологию* его устранения. С другой - пришло осознание абсурдности страдания, его несовместимости с назначением человека, стремящегося к счастью. Особую роль в этой концепции сыграли философия экзистенциализма и искусство сюрреализма. «Пережить и испытать то, что тебе положено судьбой, значит всецело её принять. Но, зная, что судьба абсурдна, её испытаний не пережить, если не сделать всё возможное, чтобы поддерживать этот выявленный сознанием абсурд, Опустить одну из сторон противостояния, которым живёшь, означает от него бежать. Упразднить осознанный абсурд означает уклониться от проблемы. Тема перманентной революции переносится, таким образом, в индивидуальный опыт. Жить означает поддерживать жизнь абсурда. Поддерживать жизнь абсурда означает прежде всего смотреть на него в упор», - пишет Альбер Камю в «Мифе о Сизифе».¹ Страдание, по мнению экзистенциалиста, придаёт жизни ценность и сообщает ей величие. «Бесчеловечие действительности» питает мощь и самобытность человека.

В XX веке столкнулись две альтернативные позиции: Бог, судьба, провидение готовят человеку путь страданий, другая точка зрения - человек сам несёт ответственность за свои страдания. Обе эти позиции вели к разным типам человеческого поведения - смирению или бунту. Человек покорный и человек бунтующий в равной мере оказались бессильны перед гнётом страдания, которое всё больше стало осознаваться как «изошрённое орудие духа», определяя способ мышления людей.

Любая философская концепция страдания в XX веке основывается на мысли, что страдание имеет свои истоки и свои последствия. Однако современный человек мало использует прошлый опыт при обосновании своей реакции на своё и чужое страдание. С философской точки зрения, страдание рассматривается сегодня в категориях «дух - материя», «содержание - форма»,

¹ Камю Альбер. Счастливая смерть и другие произведения. - М.: Фабр, 1993. - С. 503.

«теория - практика», «наука - идеология» и др. Таким образом, страдание получило возможность объёмного прочтения и истолкования с самых различных сторон.

Одно из них связано с рождением новой этики, антигуманизмом, экологической катастрофой, позволяющими по-новому истолковать феноменальную природу страдания. Биоэтика, в частности, предлагает реальные, действенные средства по уменьшению или минимизации страдания. Однако при этом биологическое вытесняет этическое, исключая их динамического взаимодействия. В классической этике была отчётливо сформулирована дихотомия добра и зла, а в мифологической проекции Страшного Суда находилось изображение отделения овец от козлищ. Новая этика¹ объединяет в человеке прежние этические крайности, так что он выступает и как палач, и как его жертва. Решить проблему этического синтеза, на наш взгляд, можно лишь, внедряя идеологию *со-страдания, со-трудничества, со-участия, со-переживания*. В противном случае механическое объединение доброго и злого не ведёт к совместному существованию противоположностей, а порождает этические сумерки, нравственную неопределённость, которую сегодня можно часто наблюдать в повседневном опыте.

Машинизированный, обезличенный труд, который не требует «страды», но и не несёт радости созидания, бездомность в условиях глобализации, когда человек «всюду дома», но самого дома у него как раз и нет, доступность любовных наслаждений без любви и т.п. проявления *цивилизационного* подхода к напряжению, усилию, боли, страданию, муке делают жизнь, возможно, спокойнее и комфортнее, но одновременно рожают страх, одиночество, постоянную тревогу за близких, которые становятся источником новых ещё больших страданий.

¹ См. об этом: Нойман Э. Глубинная психология и новая этика. - СПб.: Академический проект, 1999. - С. 103.

Одной из самых технологичных процедур стало открытие анестезии, использование наркоза, который в определённом смысле стал символической метафорой современной культуры. «Мы живём в обществе анестезии, - пишет В.В. Савчук. - Мы можем сегодня родиться, жить и умереть под наркозом. Эстетика подменяется синэстетикой, чувственность - синэстезией, *axis mundi* - многообразными опорами в каждом из многочисленных миров, информация ментального и физического тела во время инициации подменяется информационным мусором или, в лучшем случае, звуковым фоном, обеспечивающим покой и сон современного мельника, попавшего, как нам кажется, в зависимость (химическую?) от аудиовизуальной информации, *не задавающей* человека».¹

Анестезия, то есть культурная бесчувственность, дополняется культурной амнезией - беспамятством, которое выражается в отрицании традиций, иронически-отстранённом отношении к несчастьям и страданиям других.

Амнезия и анестезия - утрата памяти и потеря эмоциональной реакции - должны, кажется, лишить человека страдания, однако в действительности они лишают страдание человечности, - ведь в нём созидающие и разрушающие начала существуют одновременно, а этой диалектики не учитывают апологеты постмодернизма.

В условиях культурной амнезии и анестезии, наблюдаемых в современном мире, когда возвышенное замещается удивительным, а трагическое - парадоксальным, на первый план выходит иронизм, «корректирующая ирония» (Алан Уайлд), как основополагающий принцип освоения мозаичной постмодернистской действительности, лишённой ценностных ориентиров. Благодаря ему как бы снимается болезненное напряжение жизни, ослабляется давление обыденной реальности. Но именно страдание, трагедия дают представление об истинном состоянии человека, «как

¹ Савчук В.В. Насилие в цивилизация комфорта // Антропология насилия. Коллектив авторов. - СПб.: Наука, 2001. - С. 484.

то, в чём человек только и узнаёт себя, то, чем он отличается от остальной живой и неживой природы. Более того, трагедия осмысливается как нечто совершающееся не с уменьшенной и ухудшенной копией человеческой сущности, а с живой, неповторимой экзистенцией. Поэтому возможна надежда - не обыденная надежда на избавление от несчастий, а надежда понять жизнь с её соблазнами и разочарованиями, благом и злом».¹

Проявление беспамятства в современной культуре многообразно. В частности, оно выражается в отделении смысла от события (П. Рикёр), в нашем случае - от источника и сути страдания. Поэтому «бессмысленное» страдание как бы изолируется от всей культуры, обладающей универсальным смыслом. В результате такого отделения происходит не дистанцирование от события страдания, а полное исчезновение его смысла, его итога и опыта. Вместо страдания конкретных людей образуется пустота, из которой невозможно извлечь уроки ныне живущим. Это выглядит безнравственно и жестоко по отношению к страдавшим и их близким.

Культурная память, включающая в себя скорбь, ликование, печаль и гармонию, является составным элементом человеческого в современном мире. Поставленная нами проблема современного страдания позволяет ближе подойти к феномену антикультуры, являющемуся одним из источников множества страданий для современной личности, использующего по мере надобности нормы, ценности и идеалы лишь как инструментарий на пути достижения материального благополучия.

Зловещая гравитация материальной реальности нависла над общекультурными ценностями, столкновение разных жизненных представлений о должном стало восприниматься как проявление антропологического кризиса, как оскудение интеллектуально-эмоциональных ресурсов нашего современника, будто бы неспособного подняться до нравственных и духовных высот своих предшественников.

¹ Порус В Н Рациональность Наука Культура - М : [ИПП «Гриф и К»], 2002.-С.319-320

Культура, как видим, содержит в себе быстро прогрессирующее увеличение амплитуды колебаний в сфере интерпретации самых разнообразных явлений и характеристик жизни человека. Здесь мобилизуются возможные тенденции и потенции его собственного развития.

Одна из ключевых идей (И. Хейзинга и др.) об игровом начале культуры в наши дни обернулась своей противоположностью. Тотальные игры, пронизывающие все сферы общественного и личного бытия человека привели к тому, что теперь, наоборот, необходимо искать культурную составляющую в этих играх, в которых всё становится объектом деструкции - триллер, реклама, мёртвое тело, мораль и т.д.

На смену классической культуры опыта и игры как способов осмысления и обобщения этого опыта пришла игра самодовлеющая, направленная на себя и занятая лишь процессом «саморазвёртывания», то есть игровым эстетизмом.

Игра, потерявшая этическую основу, превращается в технологию разрушения, а не осуществления культуры. Игра как антикультурная технология ничего общего не имеет с классическим агонем, самопознанием, самовыражением людей.

Таким образом, в современном мире сложилась парадоксальная ситуация: страданий не становится меньше, благодаря СМИ они у всех на глазах и вошли в нашу повседневность, но одновременно с этим страдание «вытеснено» из общественного и даже индивидуального сознания за счёт новых воспитательных парадигм, постмодернистских технологий и, в частности, игры, иронии, беспамятства, скепсиса и др.

В заключении подводятся итоги проведённого анализа поставленной в диссертации проблемы. Человеческое страдание объединяет в себе природное и культурное, зависит как от субъективных, так и от объективных условий, обладает относительными характеристиками, существует как на телесно-биологическом, так и на духовно-нравственном уровнях.

Понимание сути страдания, его источников и последствий видоизменялось в зависимости от культурного мировоззрения эпохи.

В культуре античной классики можно было наблюдать уникальное по своим эстетическим и антропологическим свойствам очищающее душу явление катарсиса. А в эпоху романтизма появляется рефлектирующий тип сознания, для которого собственный ум и душа становятся источниками «мировой скорби», вселенского отчаяния, одиночества, изолированности субъекта и т.п.

В современной культуре, под которой мы понимаем как культуру прошлого, так и культуру настоящего века, искусственное игнорирование страдания вызывает всё новые и новые источники его порождения.

Культура XX и XXI века прошла несколько стадийных моментов в осмыслении страдания. Авангард на фоне пожарищ первой мировой войны и революций, экзистенциализм как философия абсурдистского отчаяния, сюрреализм, гипертрофировавший боль и страдание до абстрактного ничто подготовили ренессанс постмодернизма. В его философско-эстетической программе игра, беспамятство, бесчувственность, дополняются рациональностью, технологичностью, деструкцией, в результате чего появляются новые источники страдания, возникает дегуманизированная этика, страдание уже не рассматривается как школа нравственного развития. Современный человек стремится к цельности, но не к совершенству.

Концепция современной культуры страдания основана на холистическом видении человека и предполагает глубокое понимание тотальной связанности телесного и психического, терапевтического, педагогического, социального и других аспектов. Комплекс затронутых проблем невозможно свести в точку одного реально живущего индивида. Именно совокупность человеческих страданий относится к тому внутреннему ценностному, смысловому ресурсу, который ждёт своей живой научной реакции. При рассмотрении контекста любого случая страдания мы явно или неявно опираемся на проблематику, связанную с человеком - этическую, религиозную, эстетическую и др.

Страдание - один из важнейших культуропередающих факторов. Именно в страдании познаются человеческие свойства, обнаруживаются ценные личностные качества. Между тем общество избегает обсуждения круга проблем, связанных с этой сферой. Образы смерти у Л.С. Петрушевской, В.О. Пелевина, Вл.Сорокина и других отечественных авторов лишены драматизма и рефлексии. Между тем, как отмечают современные исследователи, работ, посвященных больному или искалеченному телу, страху боли, чувству своей телесной уязвимости и беззащитности, преследующего россиян, нет ни на страницах газет и экранах телевизоров, ни в риторике публичных политиков и журналистов.¹ Страдание проходит по ведомству информации и статистики, что, на наш взгляд, свидетельствует о гуманитарном замалчивании этой проблемы. Ошибочным является также стремление старших оградить молодёжь от участия в сопереживании, от помощи страдающим, даже от самого зрелища страдания. Такая «встреча» в судьбе каждого человека обязательно происходит, но не каждый к ней подготовлен. Вот почему долг общественности, педагогов, воспитателей осмысленно и целенаправленно обращаться к проблемным сторонам человеческого бытия.

От страдания нельзя откупиться, отключить навсегда боль как один из симптомов страдания, загнать его в беспамятство и забвение. Страдание эффективнее преодолевается другими, выработанными человеческой историей средствами: любовью к ближнему, терпением, мужеством, волей к борьбе. Русская и мировая культура обладают большим потенциалом для использования этих путей при формировании личности, при поддержке страдающих, при использовании национального культурного опыта в решении сложных и трагических проблем современности.

Основные положения диссертации нашли отражение в следующих публикациях автора:

¹ См.: Гудков Лев, Дубин Борис. Молодые «культурологи» на подступах к современности // Новое литературное обозрение. - 2001. - № 50. - С. 147 - 167.

1. Вадеев, А.Г. Онтологический статус страдания в православной культуре [Текст] / А.Г. Вадеев // Православие и культура: сб. статей Всероссийской научно-практической конференции: «XI Рождественские православно-философские чтения». - Н.Новгород: Нижегород. гуманитарный центр, 2002.-С.460-465.

2. Вадеев, А.Г. Этика страдания в эпоху античности [Текст] / А.Г. Вадеев // Седьмая нижегородская сессия молодых учёных (гуманитарные науки): Тез. докл. - Н.Новгород: ВГИПА, 2002. - С. 157 - 158.

3. Вадеев, А.Г. Категория страдания и проблемы культурэтики [Текст] / А.Г. Вадеев // Науки о культуре - шаг в XXI век: сб. материал ежегодной конференции-семинара молодых учёных. - Москва: Мин-во культуры РФ, Рос. ин-т культурологии МК РФ, Научно-образовательный центр, 2003.-С. 44-48.

4. Вадеев, А.Г. Антикультура как источник страданий современного человека [Текст] / А.Г. Вадеев // Культура и антикультура: Материалы докл. Девятой межвузовской конференции по культурологии. - Н.Новгород: ГХИ ННГАСУ, 2003.-С.63-72.

5. Вадеев, А.Г. Духовные основы страдания в православной культуре [Текст] / А.Г. Вадеев // Православная духовность в прошлом и настоящем: сб. статей Всероссийской научно-практической конференции: «XII Рождественские православно-философские чтения, посвященные 100-летию канонизации преподобного Серафима Саровского». - Н.Новгород: Нижегород. гуманитарный центр, 2003. - С. 369 - 373.

6. Вадеев, А.Г. Нравственное воспитание в современном обществе [Текст] / А.Г. Вадеев // Духовный мир молодого человека и будущее России: сб. материал. Региональной межвузовской научно-практической конференции. - Арзамас: АГПИ, 2003. - С. 27 - 31.

7. Вадеев, А.Г. Современная сцена и проблема катарсиса [Текст] / А.Г. Вадеев // Дети. Молодёжь. Театр. Образование: сб. статей Всероссийской

научно-практической конференции. - Н. Новгород: адм. Н. Новгород, 2003. - С. 50-54.

8. Вадеев, А.Г. Физика и метафизика современного страдания [Текст] / А.Г. Вадеев, А.В. Мешкова // Экзистенциальные проблемы культуры конца XIX - XX в.в.: сб. науч. исследований студентов и преподавателей АГПИ им. А.Л. Гайдара и НГПУ. - Арзамас: АГПИ, 2003. - С. 49 - 53.

9. Вадеев, А.Г. Метафизика страдания в эпоху Нового времени [Текст] / А.Г. Вадеев // Перспектива: Межвузовский сб. научных трудов молодых учёных. - Арзамас: АГПИ, 2003. - С. 41 - 47.

10. Вадеев, А.Г. Страдание и сострадательность как инструмент духовного воспитания [Текст] / А.Г. Вадеев // Проблемы взаимодействия духовного и светского образования. История и современность: сб. статей Всероссийской научно-практической конференции: «XIII Рождественские православно-философские чтения». - Н.Новгород: Нижегород. гуманитарный центр, 2004.-С. 521-529.

11. Вадеев, А.Г. Нравственные законы человеческого страдания как материал образовательного процесса в ВУЗе [Текст] / А.Г. Вадеев // Высокие технологии в педагогическом процессе: труды V Международной научно-методической конференции преподавателей вузов, учёных и специалистов. - Н. Новгород:ВГИПА, 2004.-С.41-48.

12. Вадеев, А.Г. Сострадательность как черта русского менталитета [Текст] / А.Г. Вадеев // Этнические культуры в условиях глобализации. Сб. статей и докл. Десятой межвузовской конференции по культурологии. - Н.Новгород: ГХИ ННГАСУ, 2004. - С. 115 - 118.

13. Вадеев, А.Г. Ужасы телесных наказаний [Текст] / А.Г. Вадеев // Эстетизм: Научно-художественный сб. кафедры культурологии / Под ред. проф. В.А. Фортунатовой. - Н. Новгород: НГПУ, 2004. - С. 179 - 181.

14. Вадеев, А.Г. Дуалистическая природа понятия «страдания» и вопросы этики [Текст] / А.Г. Вадеев // Эстетизм: Научно-художественный сб.

кафедры культурологии / Под ред. проф. В.А. Фортунатовой. - Н. Новгород:
НГПУ, 2004. - С. 27-31

Подписано в печать : *11 11 04.*
Объем *1,4* пл.

Печать трафаретная
Тираж *100* экз. Заказ *188*

Отдел полиграфии АНО "МУК НГПУ"
603950, г.Нижний Новгород, ГСП-37, ул.Ульянова, 1

22 ФЕВ 2005

909